

УДК 1**Искусственный интеллект как предмет культурфилософского анализа****Китов Юрий Валентинович**

Доктор философских наук, профессор,
Арктический государственный институт культуры и искусств,
677027, Российская Федерация, Якутск, ул. Орджоникидзе, 4;
e-mail: ykitov@gmail.com

Гертнер Светлана Леонидовна

Доктор философских наук, профессор,
Московский государственный институт культуры,
141406, Российская Федерация, Химки, ул. Библиотечная, 7;
e-mail: gertnerlana@gmail.com

Аннотация

Современные дискуссии об искусственном интеллекте отражают его практическое применение в различных областях деятельности от машинной индустрии до медицины, сложных вычислительных операций в научных экспериментах, в области обороны и безопасности. Поэтому среди возникающих в таких дискуссиях проблем искусственный интеллект получает рассмотрение со стороны экономистов, производственников, ученых, представителей военной сферы. В то же время мало внимания уделяется роли искусственного интеллекта в пространстве культуры. Даже когда функционирование искусственного интеллекта в области искусства становится предметом изучения, то речь в основном идет о том, как ограничить его действие в этой типично человеческой сфере деятельности. Нельзя не разделять опасения художников и экспертов в том отношении, что нескрупные представители творческих профессий могут перепоручать искусственному разуму свою работу и приписывать себе ее результаты. Однако, как показывают практики, полностью исключить действие искусственного интеллекта из бытия человеческой культуры оказывается сегодня невозможным. Поэтому изучение искусственного интеллекта как предмета культурфилософского анализа оказывается актуальным как в плане анализа уже существующих практик его применения, так и в превентивном плане – в выработке культурфилософского отношения к его будущим практикам. Наряду с решением задачи обоснования возможностей применения культурфилософского анализа к изучению искусственного интеллекта в целом авторы статьи постарались проанализировать отдельные современные формы существования ИИ, такие как программа интеллектуального агента и другие.

Для цитирования в научных исследованиях

Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Искусственный интеллект как предмет культурфилософского анализа // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 3А. С. 145-158.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, культура, человеческий интеллект, программа интеллектуального агента, культурфилософский подход.

Введение

Культурфилософский подход к изучению искусственного интеллекта (ИИ) оказывается на сегодняшний день наиболее адекватным для его анализа как культурного явления, поскольку позволяет развернуть в его изучении всю структурную совокупность философского знания: онтологическую, гносеологическую и аксиологическую. Так, онтология показывает, что современное бытие искусственного интеллекта может быть охарактеризовано как культурное, поскольку включает в себя искусственное происхождение в виде результата перехода естественного в искусственное. Причем не только самого интеллекта, но и его носителя – компьютер как носитель искусственного интеллекта представляет собой переработанный алюминий, золото, кремний и т.д. Специфика онтологии искусственного интеллекта в том, что он получает свое бытие не только в результате переработки естественного в искусственное с использованием интеллекта, но, когда речь идет не о человеческом материале (интеллекте человека), а о природном материале, то его бытие возникает вследствие перехода из не интеллекта в интеллект. Гносеология искусственного интеллекта также оказывается культурно обусловленной – искусственный интеллект является не только предметом познания, познавательным средством, но и формой познания, которая вплоть до сегодняшнего дня была продуктом мифологии или условности художественного творчества, где мыслящими оказывались деревья и камни.

Основная часть

Сегодня компьютер вполне можно охарактеризовать как мыслящее железо и даже камень. Интересно, что в жаргоне IT-специалистов «камнем» называется компьютерный процессор. Нет сомнения и в том, что искусственный интеллект обладает ценностной реальностью, которая, хотя на сегодняшний момент сообщается ему человеком, но человек уже задумывается над тем, что и сам в скором времени способен стать предметом ценностной оценки компьютера. И приверженцы распространения ИИ, и его противники, распознав невиданные доселе мыслительные возможности, базируют свою аргументацию на нравственно-этических основаниях. Сторонники, например, во вживлении чипа в мозг человека видят помощь искусственного интеллекта его естественному аналогу. Противники считают искусственное мышление противоестественным, а значит безнравственным или нравственно-негативным по своему ценностному значению. Повсеместное базирование любого исследования искусственного интеллекта на культурных основаниях способствует тому, что культурфилософский подход оказывается востребованным не только в науке о культуре, но характеризует в целом современную эпистемологию (теорию научного познания) искусственного интеллекта, приводя к ряду важных обобщений. Некоторые из таких обобщений заставляют считаться с ними не только философов культуры, но и специалистов в области информационных технологий. Одним из подобных обобщений выступает понимание ИИ как

прерывающей (нарушающей) технологии.¹ Данное обобщение стало настолько общепринятым и получило в науке такое единодушие, что само стало предметом специальных исследований, претендующих на метатеоретические [Pavaloaia, Necula, 2023]. Однако несмотря на обилие исследований в области нарушающей сущности ИИ сферы, в которых прослеживается его функционирование, а следовательно и нарушение, касаются корпоративного, консьюмеристского и профессионального доменов: «Прерывающие эффекты ИТ технологий до сих пор изменяют то, как люди взаимодействуют между собой в корпоративном, консьюмеристском и профессиональном секторах..» [там же, 1]. Прерывающие действия ИИ технологий не отмечаются в культуре, однако не потому что культура свободна от действия ИИ, а потому, что она рассматривается как сфера, подчиненная экономике, политике, а значит не самостоятельная сфера. Человеческое взаимодействие под влиянием ИИ не только не анализируется в области культуры, но даже тогда, когда вопрос касается внутренних процессов в отмеченных выше секторах, то и внутри них не находится места для вычленения культурных процессов. Игнорирование культуры происходит и тогда, когда вопрос в связи с ИИ затрагивает ценности, анализ которых, казалось бы, никак нельзя предпринять адекватно без понимания их культурного содержания. Однако и здесь не находится места для анализа того, как ИИ ведет себя в области культуры: «...прерывающие технологии включают и предлагают ценности только для новых приложений и новых рынков, поскольку они стимулируют развитие новых продуктов и рынков» [там же, 1]. Такое положение вещей оказывается непродуктивным, поскольку рассматривает культуру как производное по отношению к другим формам человеческой жизни и деятельности явление, изучение действия ИИ в области которого можно отложить по причине его вторичности. На деле все обстоит по-другому. Действия ИИ во всех областях человеческой жизни имеют результатом культурные последствия, а потому нуждаются в своем понимании и изучении. Однако, что еще более важно, так это то обстоятельство, что современные формы существования ИИ, по сути, выступают культурной причиной, продуцирующей изменения в других областях человеческой деятельности. Это обстоятельство вытекает из эмулирования современными программами ИИ человеческих функций, таких как анализ окружающей среды, адаптация, социальность, т.е. тех функций, которые по определению вычленяются культурологами как функции культуры. Причем в случае с ИИ начальным элементом для перевода в искусственную реальность является не естественная, как в случае с культурой (культура вторая, искусственная природа), а искусственная реальность (реальность, созданная человеком). Иными словами, если в случае с культурой функции изучения, адаптации и социализации используются для перевода природы в культуру, то в случае с ИИ данные функции определяются для перевода культуры в природу, хотя и искусственную. Естественно, создаваемая ИИ природа имеет искусственный характер, а значит и способы ее создания заимствуются из культуры, а потому не могут не иметь с ней схожести. Недаром для определения того или иного объекта, созданного искусственным интеллектом, в установлении факта, что он не создан человеком, человеческого интеллекта оказывается недостаточно, а потому в процессах аутентификации конечного продукта используются различные программы антиплагиата (искусственного явления). Тем самым для человека созданный ИИ продукт ни в

¹ Английское слово, которое используется для обозначения изучаемой технологии, носит названия “disruptive”, которое на русский язык переводится как «нарушение и прерывание». В связи с этим в тексте мы будем употреблять оба слова как синонимы.

познавательном, ни в адаптационном, ни в социализирующем аспектах не вызывает сомнений. Сферой, где ИИ оказывается распознаваемым, является его идентификация. Отсюда идентификационная функция культуры оказывается чисто человеческой и устанавливает отличительные черты продукта, созданного ИИ, от человеческого продукта. Однако средством идентификации продукта ИИ и классификации его как продукта искусственного интеллекта выступает вновь ИИ (в виде программы антиплагиата), но не сам человек. Поэтому идентификация и ее нравственные последствия являются определяющими характеристиками по отношению к ИИ со стороны человека и отличительными признаками человеческого интеллекта по сравнению с искусственным. Предположив данное утверждение априори, постараемся его обосновать в ходе данного анализа и предложить некоторые выводы культурфилософского характера, которые могут оказаться важными для тех, кто заинтересуется данной проблемой.

Прерывающие технологии, к которым сегодня относят ИИ, имеют в философии аналог с мерой, которая является индикатором прерывания, накопления количественных изменений и перехода явления в новое качественное состояние. То, что специалисты в области АТ не используют понятие меры – не меняет ситуацию к худшему, и не делает их исследования менее ценными. Задача сторонников культурфилософского подхода в данном случае состоит в распознавании проблемы, которая имеет важное значение для развития культуры и ее исследования в рамках культурфилософии. Концепция «прерывающих технологий» ИИ «предполагает», что процессы, в которых ИИ сегодня осуществляет свою прерывающую функцию, являются, и исторически имели, целостную форму своего протекания. Осторожность, с которой технические специалисты формулируют такую проблему, заключается в том, что они тем самым выходят за пределы технического функционирования ИИ и пытаются понять его действие в социальной сфере. Выходит, что социальные процессы с включением в них ИИ нарушаются, становятся не целостными, а частичными, не достигают своей цели на основе только своей, технической сущности. А поскольку нарушение приносится в социальные процессы действием ИИ, то социальные процессы уступают ИИ часть своей сущности. Следовательно, социальные процессы с включением в них ИИ теряют не только свою целостность, но изменяется их социальность. ИИ, тем самым, вовлекаясь в социальное действие в качестве вторичного, зависимого явления, в процессе осуществления прерывающей функции претендует на сущностное значение в этом действии. Следует отметить, что до возникновения ИИ использование технических средств не рассматривалось как нарушение. Например, никто не задумывался над вопросом того, как протез, возвращая человеку мобильность, может существенным образом оказать влияние на его мышление. Точно также, как и использование компьютера для вербализации текста человеком, страдающим немотой. Предметом философского изучения компьютер как техническое средство становится именно тогда, когда он обретает ИИ, тем самым можно отметить, что нарушение связывается не с техническими возможностями компьютера, а с эмуляцией им интеллектуальных характеристик. До тех пор, пока интеллект в социальных процессах имеет исключительно человека как субстрата своего базирования, утверждать о нарушении оказывается неверным. Даже в случаях, когда социальный процесс осуществлялся медленнее, шел не по плану – он не подвергался нарушению, поскольку его коррекция находилась в руках человека, вернее в ведении его интеллектуальной деятельности. Когда же в осуществление социального процесса включается ИИ, тем самым «естественный» ход социального процесса как будто бы нарушается уже самим фактом внедрения в него ИИ. Оказывается, что сущностью социальных процессов был их контроль со стороны единственного субъекта – человека. Нарушение социального процесса

указывает на утрату субъектности в части интеллектуального обеспечения социального процесса. Таким образом, можно предположить, что субъектность связана исключительно с интеллектом, а не с биологической сущностью человека. Тем самым протез как техническое средство, помогая человеку обрести утраченные физические характеристики, способствовал восстановлению физической целостности, которая была прервана, нарушена инцидентом. Однако, нарушенная физическая целостность не вела к потере социальности. К потере социальности вследствие нарушения физической целостности могло привести, например, исключение человека из общества, отказ ему в осуществлении какого-либо вида деятельности, его изоляция. Отказ приводил к выводу человека за пределы социальности вследствие интеллектуального действия, не его физической неспособности осуществлять деятельность. А значит, физическое существование человека не есть его социальное существование, что доказывает сейчас ИИ, когда пытается исключить человека из интеллектуальных действий, осуществляя этим прерывающее, нарушающее действие.

Ученые отмечают, что ИИ работает с большими данными, которые не только сложны, но и не в состоянии отражать все многообразие повседневной человеческой жизни: «В то время как позволять алгоритмам делать работу может быть удобным для «принимающих решения» «большие данные», как топливо машинного обучения, одновременно агрегирует большое количество данных и дистанцирует себя от повседневной жизни людей. Отсюда вопрос, как использование ИИ, «ускользающего и непонятного», приводит к возникновению состояний понятой человеком беспомощности?» [Vesa, Tienary, 1134]. Это говорит о том, что действие ИИ как интеллекта, в области обыденного сознания оказывается довольно сомнительным по двум причинам. Первая состоит в том, что проблемы, возникающие в повседневной жизни человека, настолько многообразны, а их отражение в больших данных настолько проблематично, что они не находят отражение в обучающих алгоритмах для ИИ. Вторая состоит в том, что обусловленность мыслительной деятельности обыденного сознания со стороны интеллекта не нуждается в тех сверхчеловеческих качествах, которыми обладает искусственный интеллект, а потому ИИ в этой сфере представляет конкуренцию человеку. Обыденное сознание обеспечивает деятельность человека на постоянной основе и задействует такие элементы сознания, которые не нуждаются в специальном развитии. На уровне обыденного сознания, человек, занимающийся сложной интеллектуальной деятельностью, уравнивается в использовании интеллекта с человеком, чья деятельность полностью покрывается физическим трудом или является осуществлением рутинных операций. Ситуация, однако, в корне меняется, когда уже не человеческое развитие, а развитие искусственного интеллекта обретет новые формы. Среди таких форм, возникших в последнее время, является форма существования искусственного интеллекта, носящая название «интеллектуальный агент».

Программа интеллектуального агента создана для работы в ситуации серьезной нехватки ресурсов: «Корни программы интеллектуального агента пробуждают интерес к когнитивности, воплощенной в искусственном интеллекте. Эти программы являются алгоритмическими системами, призванными обеспечивать наиболее эффективную деятельность в условиях сильно ограниченных ресурсов» [там же, 1135]. Данное замечание является объяснительным принципом для задействования интеллектуального агента – стремления к наиболее эффективной деятельности в условиях ограниченных ресурсов. Обстоятельство ограниченных ресурсов накладывает отпечаток на деятельность как таковую. Т.е. деятельность, к осуществлению которой привлекается интеллектуальный агент, является деятельностью с ограниченными ресурсами. Обычно понятие ограниченных ресурсов привлекается

экономистами, отсюда интеллектуальный агент в своем возникновении оказывается производным экономических обстоятельств по достижению максимально возможного результата при ограниченных ресурсах.

На сегодняшний день программы интеллектуального агента не декларируют свои цели всякий раз, когда о них заходит речь. Однако они декларируют свои дорожные карты по достижению этих целей: «Это означает, что на практике программы интеллектуального агента не переписывают своих целей. Однако им предоставлена возможность переписывать дорожные карты по достижению целей – в противном случае они не оказываются адаптивными» [там же]. Тем самым адаптационный потенциал программ интеллектуального агента находит свое выражение в улучшении и совершенствовании способов достижения целей. Сегодня мы не знаем, каким образом программы интеллектуального агента приходят к выводу о более совершенных путях достижения целей, что делает программы частично ускользающими от человеческого влияния. Однако их полное ускользание будет осуществленным, когда программы начнут изменять цели. Пока человек в состоянии контролировать цели программы – можно говорить о доминировании человеческого интеллекта над искусственным. Вместе с тем этот контроль с каждым годом минимизируется, так как если люди не понимают, что происходит в «черном ящике» искусственного интеллекта и не могут проследить как искусственный интеллект создает новые дорожные карты, то в случае изменения целей в «черном ящике», человек не сможет понять причин, по которым данное изменение произошло. Когда нет возможности объяснения механизма изменения средств, то до невозможности объяснения механизма изменения целей – не такой и далекий путь. Областью такого непонимания как раз и может быть область обыденного сознания, которая покрывается непрофессиональным интеллектом человека, а потому действия в ней искусственного интеллекта не анализируются профессионально. Однако проникновение ИИ именно в эту область придает проблеме не только общий, но и культурный характер, поскольку фиксирует охват со стороны ИИ не какого-либо одного из видов человеческой деятельности, а всю ее как таковую. Если поставить проблему в ее функциональном значении, то ИИ заменяет не отдельные функции человека, а их совокупность. Естественно, дать исчерпывающий ответ на вопрос, что же в данном случае происходит с человеком как культурным существом, не представляется возможным до проведения специальных исследований. Поэтому результатом применения культурфилософского подхода в данном случае является промежуточный, или постановочный результат: искусственный интеллект в осуществлении своих функций претендует на человеческую целостность, что до данного момента являлось исключительной характеристикой человеческой культуры.

Вместе с тем, человеческая целостность, проявляясь в деятельности, не исчерпывается ею. Додеятельностные и последеятельностные характеристики оказываются не менее важными признаками человека, отличающими его от других живых существ. Одной из характеристик, например, нравственного сознания человека является сугубо человеческое чувство ответственности. Поэтому изучение действия искусственного интеллекта в связи с ответственностью будет обладать признаками, требующими для своего понимания культурфилософского анализа. Следует отметить, что выявление культурной сущности ответственности не является новым для культурологии. К ее рассмотрению в разное время обращался ряд ученых [Китов, 2011]. Однако данные исследования были проведены в эпоху до вовлечения в действие искусственного интеллекта. Сегодня определяются пути, способные пролить свет и расширить понимание ответственности за счет изучения роли, отводимой в ее

осуществлении искусственному интеллекту. Оценка человеческого действия в терминах ответственности основывается на связи с его осуществлением, которая определяется как в предпринимаемом действии представлен ответ на ту или иную проблему и каким образом остается связанным предпринявший действие человек с последствиями своей деятельности. Недаром ответственность является важной категорией для характеристики действия элит, поскольку именно они оказываются критически важными для больших групп людей, а их последствия ощущаются на протяжении длительного времени [Китов, Гертнер, 2018]. Культурная природа ответственности заключается в ее человеческом измерении, т.е. в осознании соответствия предпринимаемого действия интересам и потребностям людей, а также на личной связи субъекта с принимаемым им решением. Именно в этих додеятельных и последятельных обстоятельствах находит свое выражение ответственность как культурная характеристика. Она придает действию человеческий характер. Какой же предстает проблема ответственности в эпоху искусственного интеллекта? Оверфильд и Каизер рассматривают ответственность как привлечение экспертов и консультантов, практикуемые руководителями различного уровня [Overfield, Kaiser, 2012, 2]. А в связи с тем, что лица, принимающие решения, не всегда готовы нести за них ответственность, то возникает возможность использования искусственного интеллекта как высокоразвитого способа ухода от нее. То, как уход от ответственности с привлечением интеллекта других используется политиками, хорошо описан А.В. Юревичем. Так, рассуждая о причинах, по которым политики стремятся к получению ученых степеней, ученый как раз и позиционировал уход от ответственности [там же]. Однако возможности, которые предоставляет сегодня программа интеллектуального агента, настолько широки, что могут быть востребованы не только политиками, но и повсеместно; в связи с этим, мы считаем необходимым осуществление масштабного и адекватного культурфилософского анализа феномена ИИ и проблем его функционирования. В связи с тем, что программа интеллектуального агента впервые стала применяться в бизнесе для решения экономических задач, это не могло не отразиться на ее сущности, которая также оказалась экономически обусловленной. Данное обстоятельство явилось как бы родовым знаком на теле программ искусственного интеллекта при их применении в других областях человеческой деятельности, в частности в культурной. Экономическая целесообразность, до сих пор присутствующая в программе интеллектуального агента, состоит в том, что она направлена на решение задач при ограниченных ресурсах или минимизации их использования. Наиболее выпукло данную сущность интеллектуального агента удалось выразить Расселу и Вефальду в виде «наилучшего курса действия при максимально ограниченных ресурсах» [Russell, 1991]. Вместе с тем уже то обстоятельство, что за уход от ответственности люди готовы жертвовать значительными ресурсами, выводит проблему за пределы экономической сферы. Тем не менее тенденция связать искусственный интеллект с неверно принятым решением, ответственность за которое может иметь не только экономические, но политические, административные и даже уголовные последствия, хотя и выводит проблему за пределы экономики, но еще не сообщает ей культурного содержания. Вместе с тем, культурфилософский анализ уже содержится в нравственной оценке такого действия. Следует отметить, что стороннику культурфилософского подхода в данном случае приходится сталкиваться с целым рядом обстоятельств, которые выстраивает перед ним программа интеллектуального агента. Во-первых, интеллектуальный агент работает за пределами человеческих возможностей, т.е. в области больших данных и с таким количеством информации, которая превосходит возможность ее охвата человеческим мозгом. Во-вторых,

интеллектуальный агент работает в рамках им же самим созданной последовательности восприятия (percept sequence), т.е. когда он самостоятельно меняет свое направление по достижению цели. В-третьих, интеллектуальный агент использует в своей работе «не постигаемые техники» (inscrutable techniques), состоящие из нейронных сетей и машинного обучения. Поэтому, хотя подобная последовательность действий может показаться нежелательной для классического культуролога, осуществление культурфилософского анализа программы интеллектуального агента следует предпринимать через сопряжение с областью экономики. Современные экономисты делятся сегодня на два лагеря. Одни считают богатство и банкротство результатом ответственности за свои действия человека экономического. Другие связывают проблему ответственности с формационными характеристиками. Так, известный экономист и по совместительству политик, Янис Варофакис в своем отношении к ответственности возлагает ее на общество [Varofakis, www]. Его мнение оказывается важным для рассматриваемой проблемы еще и потому, что он является членом парламента Греции, а, значит, одним из тех, кто сегодня принимает решения и на ком лежит ответственность за их принятие. Суть проблемы Варофакис видит в анализе общества, в котором происходит перекалывание ответственности. Введение им термина «облачного капитализма» и его последующий анализ говорят о том, что возложение ответственности на капиталиста за современные изменения в экономике оказывается невозможным. Ему вторят другие экономисты, которые видят в капитализме и созданной им культуре управления проблему ухода от ответственности. Например, Еззамель и Хидман считают, что эксперты и советники выступают буфером и фильтром в делегировании ответственности в сторону от принимающих решения [Ezzamel et al., 2004]. Данный факт является свидетельством ухода от ответственности принимающих решения менеджеров высшего звена, что обеспечивает им возможность не быть уличенными в некомпетентности, не быть напрямую связанными с общими результатами деятельности структуры, которой они руководят, а в итоге ориентироваться только на свои прагматические интересы и не учитывать интересы подчиненных им социальных групп. В случае провала какой-либо инициативы ответственность за неудачу ложится на эксперта. Данная тенденция проявилась отчетливо в США при рассмотрении дела бывшего президента Трампа в суде, уличенного в неуплате налогов. Ответственными за неуплату налогов оказались руководители бухгалтерии, которые и предстали в суде в качестве ответчиков. Действительно, ими готовились документы, завышающие стоимость собственности Трампа для предоставления информации в банки, что в итоге привело к предоставлению кредитов по более низким процентам. Другой неприятной стороной завышения стоимости оказалось то, что инвесторы вкладывали деньги в строительную империю Трампа и теряли выгоду. Даже подписанные Трампом документы не оказались в суде достаточным основанием для вынесения приговора, поскольку они готовились экспертами, а не им самим. Единственной формой наказания для бывшего президента оказалось придание публичности процесса завышения стоимости, когда он вызывал к себе эксперта и требовал от него определенных действий. В данном случае ответственностью, которую понес бывший президент, оказалась лишь нравственная ответственность. Однако, для человека, который находится в политике, нравственность является не определяющим фактором деятельности. Политика и нравственность – разные области деятельности, и их соединение является скорее препятствием для успешной карьеры в политике в условиях капитализма. Следует отметить, что перекалывание ответственности на эксперта является отличительной характеристикой внутриэлитной культуры. Когда речь заходит об обычных налогоплательщиках, то ситуация в корне меняется и ответственность даже

в случае с неверно заполненной экспертом налоговой декларацией полностью ложится на представителя массы [Marks, www].

Тем самым культурфилософский анализ ответственности в рамках движения к ней со стороны экономики ограничивается выводом о том, что, по нашему мнению, современный правящий класс стремится к безответственности и применение им программ интеллектуального агента рассматривается как культурный запрос элиты по отношению к искусственному интеллекту. Проблема тем самым сводится к тому, какие ограничения общество капитала накладывает на все возникающие в его рамках процессы и явления, в том числе и на искусственный интеллект. Отсюда программа интеллектуального агента действует на основе заложенного в нее людьми алгоритма, который отражает этику, социально приемлемые правила, ценности и культурные особенности капитализма. Тем самым не только естественный, но и искусственный интеллект не в состоянии избежать влияния общества, в рамках которого они возникают и действуют. Следует отметить, что в данном случае сторонники анализируемой экономической теории, Я. Варофакис в частности, являются выразителями в большей степени взглядов В.Ленина, нежели экономических теорий Гарвардского университета, в связи с которым они атрибутируют свое понимание реальности [Ленин, 1979].

Другой возможностью движения к культурфилософскому пониманию искусственного интеллекта через маргинальную с культурой область экономики является понимание экономики как гуманитарной сферы и потому определяемой не только хозяйственными отношениями, но и культурными. Возникая как средство реализации экономических задач, программа интеллектуального агента не может не быть включенной в культурные отношения. Данные отношения в связи с программой проявляются в том, что она вступает в хозяйственные отношения как интеллектуальный агент от имени определенного субъекта – группы, этноса, народа и, потому не может не отражать в своем функционировании все многообразие интересов и ценностей этой группы хотя и в своей специфической форме. Специфику этой формы, несмотря на ее искусственность, можно в культурфилософском смысле охарактеризовать как «фольклорность». Она состоит в операционной работе интеллектуального агента с текстом как в виде ответов на запросы на основе заложенных параметров алгоритма, так и создания новых текстов как результата отражения внешней среды и адаптации к ней. При этом программа сохраняет заданные параметры, т.е. не создает новый текст как таковой, а его вариации. Несмотря на то, что программа реализует свой «взгляд на мир» на основе алгоритма, алгоритм учится у мира и, тем самым, подвергается корректировке, но на уровне периферийных, не основных параметров. То же происходит и с фольклорными текстами – базовые ценности, сюжет и герои остаются неизменными, но адаптируются к месту, где текст актуализируется, наделяется локальными чертами. Поэтому песни, думы, былины, различаясь в исполнении, не меняются в своей сути – сущности, которая остается постоянной. «Фольклорность» интеллектуального агента выражается также в его анонимности. В программе можно четко зафиксировать определенные ценности и атрибутировать их определенной социальной группе, этносу, народу, однако не к его конкретному члену, номинативному субъекту. Те, кто создает программу интеллектуального агента, создают хранилище для ценностей, но не сами ценности; позволяют программе действовать автономно, или отказываться от действия, но не отказываться от ценностей. Они также предоставляют программе возможность смотреть на мир глазами определенного народа, но не его конкретного субъекта.

Вместе с тем между действием программы интеллектуального агента и человеческим действием имеются существенные различия. Они заключаются в том, как осуществляются

действия. Человеческая сущность фольклорного произведения состоит в том, что присутствующие в них ценности не только транслируются, но проживаются, поскольку и сказитель, и слушатель всякий раз пропускают их через себя, убеждаясь в их близости, важности и нужности. Тем самым в человеческой актуализации фольклорного текста ценности не только транслируются, но и вырабатываются. В случае с программой интеллектуального агента ценности закладываются, компьютер всякий раз отрицает свою субъектность и сообщает о том, что он не связан с ценностями и только предоставляет о них информацию, которая является отражением его работы с большими данными. Т.е. ценность в программе интеллектуального агента является не результатом ее соотнесения с собой, а большим количеством ее упоминаний в еще большем количестве данных. Если использовать язык обобщения, то можно утверждать, что основным отличием компьютера от человека применительно к анализу программы интеллектуального агента является то, что человеком ценности вырабатываются, а компьютером высчитываются.

Следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Программа интеллектуального агента отличается от человека не только действием, но и отношением к нему, не только процессом, но и результатом действия. В культурологии данная проблема получила изучение внутри процесса освоения и носит название результирующего его этапа [Китов, 1996]. Результатом взаимодействия человека с текстом культуры как ценностью является взаимообогащение, восхождение и текста, и человека на новый уровень. Человек становится богаче в культурном смысле, а предмет культуры не только не исчезает, но обретает новые значения. Отклонение от шаблонного механизма взаимодействия и восприятия ценности только приветствуется, если оно приводит к открытию путей подтверждения ее сущности, создает новые возможности для ее актуализации. В случае с интеллектуальным агентом результирующий этап обретает иное направление. Вычисление приводит к актуализации той ценности, которая более других упоминается и только тот объект приобретает ценностное значение, упоминание которого превосходит количественный пороговый барьер. Тем самым взаимодействие с ценностью также влияет и на нее, и на заложенную в компьютер программу, однако не в качественном, а в количественном плане. Чем больше какая-либо ценность упоминается, тем большее ценностное значение ей сообщается программой. Однако программа в состоянии производить и обратные действия – также вычислительного характера. Не только обращение к ценности, но и не обращение к ней в состоянии выступить результирующим индикатором. Так, в случае продвижения элитной частью социальной группы какого-либо объекта в качестве культурной ценности, не обращение к нему фиксируется программой как отклонение от продвигаемой властвующим классом в данном обществе культурной нормы. Обращение к объекту культуры, который элитной частью рассматривается как нежелательный, также в состоянии быть зафиксированным программой. И в первом, и во втором случае передача информации санкционирующим органам социальной группы способна вызвать нежелательные последствия для субъекта. Такие возможности лишают программу нейтральности, хотя и не сообщают ей субъектного характера.

Использование культурфилософского подхода к анализу действия ИИ на приведенных выше примерах позволяет утверждать, что культурная сущность искусственного интеллекта имеет человеческое происхождение. Подтверждение такому выводу можно найти и в других примерах. Интересные результаты предоставляет анализ взаимодействия искусственного интеллекта как с человеком, так и с другим искусственным интеллектом. Речь идет не о взаимодействии продуктов различных компаний между собой, таких как Google, Meta, Open AI,

а о причинах и результатах вовлечения ИИ во взаимодействие. Данное обстоятельство является общей закономерностью, которая, как и следует из философской логики общего и единичного подтверждается в бесконечном количестве единичных фактов. В области искусства ИИ создает художественную фотографию, которая выигрывает конкурс, однако представивший фото художник указывает на его искусственное авторство, что предопределяет результат – отзыв признания и выведение произведения за пределы искусства, которое имеет человеческий характер по определению [Greenberger, www]. В области обороны ИИ оперирует военными объектами, однако ответственность за их применение несет человек [Rademaker, www]. В области рекламы ИИ создает привлекательные для покупателей пути продвижения продуктов, однако, когда авторство по их созданию переносится на человека, оно санкционируется [Harrison, www]. Это указывает на то, что в современном мире складывается ситуация, когда люди не в состоянии отличить продукты, созданные ими от созданных ИИ. Показательным вместе с тем является тот факт, что не только люди сообщают о вовлеченности ИИ в процессы создания продуктов, но и ИИ используется для установления принадлежности созданных продуктов человеку. Определение продуктов, созданных человеком, в результате является основанием для отнесения их к культурным ценностям, несмотря на их несовершенство и проигрыш тем, которые созданы ИИ. Тем самым не результаты действия машины, а человеческие действия и их результаты являются культурными ценностями. Для человека является важным есть ли в произведенном продукте плагиат. Важность действия машины определяется произведенным продуктом. Именно в этих целях она используется человеком и реализует свою сущностную функцию, поэтому основания культурной сущности ИИ следует искать именно здесь. То есть, если говорить о культурной сущности ИИ, то следует отметить, что она не принадлежит ИИ по определению, а закладывается в него человеком. Машина используется для обоснования и подтверждения или отрицания результата действия. Причем не функционального, а этического. Функциональная ценность продукта может быть видима и принята. Однако не может быть принята его культурная ценность. Произведение, созданное ИИ, которое приписывается человеку отрицается как безнравственное. На основе отказа в нравственной сущности, произведению отказывается и в культурной ценности. Отсюда, машина может создавать видимость культуры, но не ее сущность.

Еще одним доказательством того, что сущность культуры создается человеческим интеллектом, а искусственным только имитируется, является отсутствие у мыслящей машины самосознания. Несмотря на ведущуюся сегодня дискуссию о возможности возникновения сознания у искусственного интеллекта в будущем [Lenhago, 2023], сегодня он не в состоянии определить свое место в мире и то, что им пользуется человек. Цели, которые преследует машина, не проистекают из нее, не являются продуктом ее активности, а, следовательно, не могут быть осознанными. Тем самым действия машины, наделенной искусственным интеллектом, не являются и деятельностью. Однако, в чем оказывается важным искусственный интеллект, так это в определении специфики культурной деятельности. До сегодняшнего дня отличительной чертой человеческой деятельности был ее интеллектуальный характер. Именно интеллект, лежащий в основании человеческой деятельности, определялся как главная характеристика ее осознанности по отношению к бессознательному поведению животного, опирающегося на инстинкты. Современное функционирование машин, ведомых искусственным интеллектом, приводит к созданию результатов настолько похожих на человеческие, что единственной формой распознавания их нечеловеческой природы является культура и заключенная в ней нравственность. Нравственность оказалась сегодня последним

критерием от сползания, однако не к хаосу, опасность которого преследовала человечество до настоящего момента и была опасностью потери отличия от животного, а к полному расчету и, следовательно, к потере отличия от машины.

Заключение

Остановившись на краю пропасти благодаря нравственности, человечество вновь обретает силу и в своей физической природе. Не только ум, но человеческое тело оказывается более совершенной реальностью в информационную эпоху, нежели можно было это предвидеть во время возникновения в ней искусственного интеллекта. Так, каждому изучающему философию является знакомой истина о преобладании биологической и социальной формы существования материи над ее искусственной формой. Искусственный интеллект, превосходя человека в количестве хранения и оперирования информацией, казалось бы, поставил данную истину под сомнение. Однако последние исследования в области хранения информации показывают, что цифровые формы ее хранения являются менее оптимальными и уступающими ее хранению в ДНК формах [Doricchi et al., 2022]. Информация нулей и единиц, на которой базируется машина, уступает в совершенстве ее хранения в четырехсоставной органике человеческой ДНК [Gervasio et al., 2023] и очень возможно, что в будущем человек снова начнет выигрывать у машины в шахматы, прокладывая маршруты в пространстве, оперировать большим количеством данных, более точным и непонятным для машины образом.

Библиография

1. Китов Ю.В. Ответственность власти как проблема культуры // Вестник МГУКИ. 2011. № 3. С. 39-42.
2. Китов Ю.В. Роль эстетического интереса в освоении эстетических ценностей: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. 16 с.
3. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Культурная ответственность элит Якутии: аксиологический аспект // Вестник МГУКИ. 2018. № 1 (81). С. 90-101.
4. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений. Т. 12: Октябрь 1905-апрель 1906. М.: Политиздат, 1979. С. 99-105.
5. Юревич А.В. Наука и политика: механизмы взаимодействия // Управление наукой и наукометрия. 2009. № 8. С. 286-300.
6. Doricchi A. et al. Emerging Approaches to DNA Data Storage: Challenges and Prospects // ACS Nano. 2022. 16 (11). P. 17552-17571.
7. Ezzamel M. et al. 'Has Devolution Increased Democratic Accountability?' // Public Money & Management. 2004. 24 (3). P. 145-52.
8. Gervasio J. et al. How close are we to storing data in DNA? Trends in Biotechnology. 2023. URL: [https://www.cell.com/trends/biotechnology/fulltext/S0167-7799\(23\)00235-4](https://www.cell.com/trends/biotechnology/fulltext/S0167-7799(23)00235-4)
9. Greenberger A. Artist wins Photography Contest After Submitting AI-Generated Image, Then Forfeits Prize. URL: <https://www.artnews.com/art-news/news/ai-generated-image-world-photography-organization-contest-artist-declines-award-1234664549/>
10. Harrison M. Top Execs at Sports Illustrated's Publisher Fired After AI Debacle. URL: <https://futurism.com/sports-illustrated-publisher-shakeup-ai>
11. Lenharo M. If AI becomes conscious: here's how researchers will know // Nature. 2023. URL: <https://3quarksdaily.com/3quarksdaily/2023/08/if-ai-becomes-conscious-heres-how-researchers-will-know.html>
12. Marks G. Trump and SBF blamed their accountants – but your taxes are your responsibility. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/nov/12/trump-bankman-fried-accountants-tax-return>
13. Overfield D., Kaiser R. One Out of Every Two Managers Is Terrible at Accountability // Harvard Business Review. 2012. November. P. 2.
14. Pavaloaia V.-D., Necula, S.-C. Artificial Intelligence as a Disruptive Technology – A Systematic Literature Review // Electronics (Basel). 2023. 12 (5). P. 1.
15. Rademaker M. et al. Robotic and Autonomous Systems in a Military Context. URL:

<https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep29554.3.pdf>

16. Russell S.J. Do the Right Thing: Studies in Limited Rationality. Cambridge: MIT Press, 1991. 224 p.
17. Varofakis Y. Technofeudalism and cloud capital. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SMSNpq4K67o>
18. Vesa M., Tienary J. Artificial Intelligence and Rationalized Unaccountability: Ideology of the Elites? // Journal of Engineering, NewsRX LLC. 2020. 29 (1). P. 1138.

Artificial intelligence as a subject of cultural philosophical analysis

Yurii V. Kitov

Doctor of Philosophy, Professor,
Arctic State Institute of Art and Culture,
677000, 4, Ordzhonokidze str., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: ykitov@gmail.com

Svetlana L. Gertner

Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow State Institute of Culture,
141406, 7, Bibliotechnaya str., Khimki, Russian Federation;
e-mail: gertnerlana@gmail.com

Abstract

Modern discussions about artificial intelligence reflect its practical application in various fields of activity from the machine industry, to medicine, complex computing operations in scientific experiments, and in the field of defense and security. Therefore, among the problems that arise in such discussions, artificial intelligence receives consideration from economists, industrialists, scientists, and representatives of the military field. At the same time, little attention is paid to the role of artificial intelligence in the field of culture. Even when the functioning of artificial intelligence in the field of art becomes the subject of study, the discussion is mainly about how to limit its action in this typically human field of activity. One cannot help but share the concerns of artists and experts in the sense that unscrupulous representatives of creative professions may entrust their work to artificial intelligence and take credit for its results. However, as practice shows, it is impossible today to completely exclude the action of artificial intelligence from the field of human culture. Therefore, the study of artificial intelligence as a subject of cultural-philosophical analysis turns out to be relevant both in terms of analyzing existing practices of its application, and in preventive terms, in developing a cultural-philosophical attitude towards its future practices. Along with solving the problem of justifying the possibilities of applying cultural-philosophical analysis to the study of artificial intelligence in general, the authors of the article tried to analyze certain modern forms of existence of AI, such as the intelligent agent program and others.

For citation

Kitov Yu.V., Gertner S.L. (2024) Iskusstvennyi intellekt kak predmet kul'turfilosofskogo analiza [Artificial intelligence as a subject of cultural philosophical analysis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (3A), pp. 145-158.

Keywords

Artificial intelligence, culture, human intelligence, intelligent agent program, cultural-philosophical analysis.

References

1. Doricchi A. et al. (2022) Emerging Approaches to DNA Data Storage: Challenges and Prospects. *ACS Nano*, 16 (11), pp. 17552-17571.
2. Ezzamel M. et al. (2004) 'Has Devolution Increased Democratic Accountability?' *Public Money & Management*, 24 (3), pp. 145-52.
3. Gervasio J. et al. (2023) How close are we to storing data in DNA? *Trends in Biotechnology*. Available at: [https://www.cell.com/trends/biotechnology/fulltext/S0167-7799\(23\)00235-4](https://www.cell.com/trends/biotechnology/fulltext/S0167-7799(23)00235-4) [Accessed 02/02/2024]
4. Greenberger A. *Artist wins Photography Contest After Submitting AI-Generated Image, Then Forfeits Prize*. Available at: <https://www.artnews.com/art-news/news/ai-generated-image-world-photography-organization-contest-artist-declines-award-1234664549/> [Accessed 02/02/2024]
5. Harrison M. *Top Execs at Sports Illustrated's Publisher Fired After AI Debacle*. Available at: <https://futurism.com/sports-illustrated-publisher-shakeup-ai> [Accessed 02/02/2024]
6. Kitov Yu.V. (2011) Otvetstvennost' vlasti kak problema kul'tury [Responsibility of power as a problem of culture]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of the Moscow State Institute of Culture], 3, pp. 39-42.
7. Kitov Yu.V. (1996) *Rol' esteticheskogo interesa v osvoenii esteticheskikh tsennostei. Doct. Dis.* [The role of aesthetic interest in the development of aesthetic values. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Kitov Yu.V., Gertner S.L. (2018) Kul'turnaya otvetstvennost' elit Yakutii: aksiologicheskii aspekt [Cultural responsibility of the elites of Yakutia: an axiological aspect]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of the Moscow State Institute of Culture], 1 (81), pp. 90-101.
9. Lenharo M. (2023) If AI becomes conscious: here's how researchers will know. *Nature*. 2023. Available at: <https://3quarksdaily.com/3quarksdaily/2023/08/if-ai-becomes-conscious-heres-how-researchers-will-know.html> [Accessed 02/02/2024]
10. Lenin V.I. (1979) Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura [Party organization and party literature]. In: *Polnoe sobranie sochinenii. T. 12: Oktjabr' 1905-aprel' 1906* [Complete Works. Vol. 12: October 1905 – April 1906]. Moscow: Politizdat Publ.
11. Marks G. *Trump and SBF blamed their accountants – but your taxes are your responsibility*. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2023/nov/12/trump-bankman-fried-accountants-tax-return> [Accessed 02/02/2024]
12. Overfield D., Kaiser R. (2012) One Out of Every Two Managers Is Terrible at Accountability. *Harvard Business Review*, November, p. 2.
13. Pavaloaia V.-D., Necula, S.-C. (2023) Artificial Intelligence as a Disruptive Technology – A Systematic Literature Review. *Electronics (Basel)*, 12 (5), p. 1.
14. Rademaker M. et al. *Robotic and Autonomous Systems in a Military Context*. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep29554.3.pdf> [Accessed 02/02/2024]
15. Russell S.J. *Do the Right Thing: Studies in Limited Rationality*. Cambridge: MIT Press.
16. Varofakis Y. *Technofeudalism and cloud capital*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=SMSNpq4K67o> [Accessed 02/02/2024]
17. Vesa M., Tienary J. (2020) Artificial Intelligence and Rationalized Unaccountability: Ideology of the Elites? *Journal of Engineering, NewsRX LLC*, 29 (1), p. 1138.
18. Yurevich A.V. (2009) Nauka i politika: mekhanizmy vzaimodeistviya [Science and politics: mechanisms of interaction]. *Upravlenie naukoj i naukometriya* [Science Management and Scientometrics], 8, pp. 286-300.